

Прощание с мечтой

Я сижу в своей чудесной квартире, по которой бегают тараканы-прусаки. Я не могу с ними бороться, потому что нет сил. Нет сил, бороться с судьбой нет сил. Они кончились. Меня хватает только на то, чтобы схромать на Привоз, купить что-нибудь поесть и приготовить еду для моего больного сына. Сам я стал очень мало есть, я упал духом, потому что понял, ничего не могу сделать, потерял силы, вкус к жизни.

Совсем недавно, несмотря на мои семьдесят три года, я строил планы и мечтал осуществить свою последнюю надежду, уйти в море вокруг земного шара. Умереть в море на чистом ветру, безоблачном небе, среди белых барашков, окаймлявших гребни волн, под крики чаек и свист ветра в вантах. Это были очень красивые, очень желанные мечты. Мне часто снились все действия, которые сопровождали мой уход в это последнее плавание. Я хлопотал с приготовлениями, переживал во сне все перипетии отхода — таможня, погранцы и т. д., и просыпался, напитанный сонными впечатлениями и переживаниями. Часто делился с друзьями-яхтсменами своими снами и, оказывается, им тоже снилось, что под всеми парусами несутся по Дерibasовской или Пушкинской и, поворачивая на перекрестке, волнуются, что не могут притормозить, чтоб пропустить встречный транспорт. Это и смешно, и трагично, и что-то щемящее душу. Человек, однажды заболевший морем и парусами, на всю жизнь останется влюбленным в них.

Я стал строить яхту для осуществления своей последней мечты. Много чудесного в жизни нашей. Для меня самое большое чудо было познавать мир глазами и душой. Путешествия и приключения, которые случались в моей жизни, будоражили кровь и воображение. Новые неизвестные места, по которым я бродил, будили фантазию и гнали меня все вперед и вперед навстречу приключениям. Я катался на доске на цейлонских волнах, нырял в Эгейском море на южных Спорадах, бродил на раскопках Трои, и всегда думал на старости лет сидеть у камина и рассказывать внукам моим открытия мира и его сокровищ. Но, видимо, к старости не угомонился и не рассчитал сил и возраста, собрав все пенсионные копейки, решил осуществить свою последнюю мечту — путешествие вокруг земного шара.

Каждый погожий летний день отправлялся далеко за город на дачу знакомого, где строил яхту. Доехав до конца маршрута, брел пешком несколько километров до дачного поселка. С собой у меня была бутылка пи-

ва, которую выпивал, проходя городское кладбище и крематорий. Придя на свою самодеятельную верфь, я складывал бутылку из-под пива к другим, выпитым ранее. Каждый месяц я их сдавал и покупал крепеж или какую-нибудь мелочь для своей работы. Друзья и знакомые посмеивались, считая старческой блажью мою затею. Но были и такие, которые помогали деньгами и советами, ободряли меня, вселяя веру в конечную цель. Наверное, если бы не они, то я не построил бы яхту, или затянулась бы эта стройка на многие годы. Мне удалось построить ее за три года. Я спешил. Я вспоминал случай, когда один мой приятель — портной, завязанный парусник и путешественник, как-то в декабре пришел ко мне и предложил идти через Атлантику, и на мое предложение отсрочить до весны, потому что мои домашние дела меня не пускали, возразил, что может не успеть. Он торопился, ему было 75 лет, и он через месяц умер, не успев.

Укладываясь спать, я каждый раз молил Всевышнего помочь моей мечте. Во сне мне часто виделись острова, окаймленные белой полосой прибоя. Чистая прозрачная вода, в которой преломлялись солнечные лучи, уходящие вглубь, и темная бездна, пронизанная полосами этих лучей, вселяющая мистический ужас в душу, и восторг, как будто ты плывешь в космосе. Наверное, высшие силы услышали мои просьбы и послали мне помощника. Вася, недавно окончивший университет и, как большинство молодежи, безработный, стал моим верным помощником и строителем. На деньги, заработанные в итальянской тюрьме, где я сидел за контрабанду, я купил старенькую "копейку", на которой мы стали ездить на яхту и возить материалы. Вася, имеющий права водителя, был моим бессменным шофером, незаменимым помощником. Единственный из всех знакомых молодых — романтик и мечтатель, желающий пойти со мной вокруг шарика, хотя в море никогда не бывал. Самый что ни на есть сухопутный человек. Руки у него были золотые, несмотря на молодость, он все умел: электросварщик, плотник, слесарь, а главное, придерживался моего жизненного правила, что не боги горшки обжигают. Жалко, что построив со мной яхту, он вдруг таинственно исчез. После, в каюте, я обнаружил в кульке шприцы и наркоту. Эта проказа, поражающая современную молодежь, видимо, зацепила и его.

Утонув в своих мечтах и видениях, я потерял ощущение реальности времени и, увлекшись своей идеей, жил в выдуманном мною мире, ни о чем не думая, кроме своей яхты. Времена же переменились. Если в совковые семидесятые я строил яхты в черноморском яхт-клубе и имел там постоянную прописку, уходил оттуда в свои плавания и не имел

проблем с финансами, то есть не платил за стоянки или платил символическую плату, которая была мне по карману, то на этот раз, закончив строительство, я столкнулся с действительностью рыночной экономики. Раскупив побережье, новоявленные бизнесмены и дельцы стали навораживать арендную плату за стоянку на так называемой их территории. Я, родившись в СССР и выросши в социализме, не мог никак адаптироваться в этом диком капитализме. Не мог понять, как может морской берег принадлежать одному человеку, наживавшему свой капитал на таких романтиках и любителях моря, как я. Теперь мне стало понятно, почему дочка, которая живет в Америке, сказала мне в телефонном разговоре, что ее знакомые, узнав, что у папы яхта, говорили ей: "У тебя богатый отец". Мало того, когда мне пришлось столкнуться с регистрацией яхты, техосмотром, пропиской и дальнейшим документальным оформлением, я пришел в отчаяние. Везде чиновники устроили себе кормушки, и платить приходилось баснословные суммы, в сотни раз превышающие те прејскуранты, которые были в совковые времена. Кроме того, надо было совать взятку, чтобы было быстро и благожелательно к тебе отнеслись.

Пришлось на моей "копейке" объездить все побережье, чтобы найти стоянку далеко за городом, в Затоке, в маленьком лиманском заливчике, куда все окружающие дачные кемпинги и постройки сливали нечистоты. Плата за месяц стоянки равнялась моей пенсии.

На место пропавшего Василия подвязался в качестве помощника мой бывший матрос, ходивший со мной в Пирей лет двадцать назад. Одержимый манией разбогатеть. Планы у него были самые фантастические, от торговли пауками "черная вдова" до драгоценных камней, добытых на Цейлоне. Все идеи его были основаны на слухах. Он мечтал раскопать древний курган, где надеялся найти золото скифов, найти немецкую танкетку на дне лимана, времен первой мировой войны, за которую якобы немцы платили большие деньги. А пока промышлял тем, что рвал в лимане траву для аквариума или собирал рапаны для продажи сувенирщикам. Был он крупный, с чертами лица, будто вырубленными из дуба. Вместе с собой он таскал шкета — Толю, своего верного Санчо Пансу, на которого взваливал все тяжелые и грязные работы. Толя возомнил себя великим поваром и захламил всю яхту кастрюлями и всякими кухонными причиндалами. Яхтсмены они были никудышные, и мне приходилось всякий раз учить их и объяснять, как ставить стакселя и подбирать шкоты, когда меняли галс. Они плохо поддавались учению — то ли возраст, то ли сухопутные привычки. Но каждый раз стаксель ставился вверх ногами, а шкоты путались в блоках.

Вот с такой командой я стал выходить в море. Мне необходимо было выявить и исправить все недостатки в такелаже и дизеле. Потому что я знал: за границей все ремонты становятся дорогостоящей проблемой. Однажды я застрял на Босфоре из-за поломки дизеля. У меня полетел четвертый цилиндр. Пришлось возвращаться в Одессу под парусами. И хотя моя предыдущая яхта "Св. Петр и Павел" ходила только в полветра, я добрался домой, но шел восьмью суток вместо обычных трех.

Я спешил. Силы с каждым днем уходили из меня. Последние дни постройки я уже не мог работать. Сидел на солнце, грея старые кости, и говорил своему помощнику Васе, что и как делать. Доктор, обследовавший меня, сказал, что у меня анемия, что весь гемоглобин куда-то уходит, а куда — он не определил. И хотя я слабел с каждым днем, и терял последние остатки сил, но желание быть в море, с морем, не исчезало.

Первый выход на Тендру был благополучный. Погода стояла тихая, жаркая. Яхта спокойно шла по курсу, слегка покачиваясь на волне, неся два стакселя. Иногда, когда ветер совсем убивался, я подрабатывал дизелем. Делая три-четыре узла, мы дошли за сутки до Тендровского маяка. Сон мой становился явью. Бесконечно длинная желтая полоса берега уходила за горизонт. Чистый девственный песок с россыпью рапанов и тихий мелодичный плеск прибоя, музыкой звучавший в ушах. Воздух, напоенный запахом йода и солнца, прозрачная чистейшая вода, сквозь которую на дне были видны крабы, моллюски и скаты, напоминающие воронов в полете. Все это казалось мне прелюдией к осуществлению моей мечты.

Поломки и аварии в моторе и такелаже держали меня в Одессе. На их устранение уходило много сил и денег. Я вновь и вновь уходил в море, испытывая свою постройку, гоня яхту в полветра и полный ветер, проверяя навигацию и дизель. И вот последний испытательный выход перед большим походом в Средиземное море.

Потратив полдня на пограничные формальности, мы во второй половине дня вышли в море. На борту кроме меня был мой давний знакомый, такой же старый, как я, и мой помощник.

Не помню, откуда эта информация, то ли из телепередачи, или я прочел где-то, что Земля — планета, живое существо, которое, как и человечество, живет, стареет, болеет. Это меня всегда волновало. Я помнил "Энтов" Толкиена, моя покойная жена говорила мне, что она никогда не чувствует себя одинокой среди природы. В лесу она толковала с деревьями и кустами, в поле — с цветами, и как никто ощущала природу, находилась с ней в полной гармонии.

Я, стоя вахту у штурвала, особенно остро чувствовал себя частью моря, и иногда разговаривал с ним, как с живым. И оно отвечало мне шорохом струй вдоль борта, ревом бурунов в свежую погоду, и ласково кидало мне в лицо тучу брызг, чистых, как слезы ребенка. То спокойное, как покрывало, то разъяренное, как зверь, ревущее так, что становилось жутко. Когда я нырял, купаясь с борта, оно принимало меня в свои прохладные объятия, нежно покачивая и поглаживая по телу. Или бросало с волны на волну, словно шаливший ребенок. Жутко было смотреть на разбушевавшуюся стихию с подветренного борта. Крутые волны кидались на яхту, обрушивая белые гребни на палубу. Чтоб успокоиться, я смотрел на наветренный борт, где они плавно перекатывались, ныряя под киль.

Мы вышли из затона в 17.00, завели дизель, прошли узкий извилистый фарватер и, нырнув под мост, очутились в море. Оставив по правому борту ряд буев, ограждающих подводную косу, я взял курс на мыс "Е". Дул плотный вечерний бриз. Заглушив мотор, подняли стакселя и двинулись вдоль берега. Моя цель была побыть подольше в море, проверить ходовые качества яхты и выяснить экономический ресурс мотора. Если первый поход на Тендру я шел открытым морем, прямым курсом 900, то в этот раз плавание было каботажным, вдоль берегов Одесского залива. Мне хотелось на прощание пройти по старым маршрутам, вспоминая прошлые далекие годы, полные впечатлений и приключений, когда я открывал для себя "новые земли" на шестиметровом шверботе, первой построенной яхте. Неторопливо трехузловым ходом мы проходили мимо Санжейки, Ильичевска, Большефонтанского мыса и дальше вдоль Большого Фонтана, Аркадии, Отрады. Это были уже не прежние полупустынные пляжи, полудикие скалы и глиняные склоны, которые временами обваливались, погребая под собой пляжников. Сплошной вереницей тянулись кафешки, рестораны, дискотеки. Шумели и гремели барабаны, как будто это не Одесса, а Берег Слоновой Кости, и дико завывали и визжали "Поющие труссы". Тихо стало, когда от бывшего второго судоремонтного завода мы отвернули на мыс "Е", и звучала только музыка волн и свист ветра, который с темнотой усилился, стал плотнее и порывистее. Я подумал: не к добру, тем более солнце село в тучу, — и отвернул мористее. Мы шли вполветра, переваливаясь с волны на волну. Ориентировался я по огонькам на берегу и радужную стоянку порта Южного постарался обойти мористее. Вскоре открылся Березанский маяк. Было полнолуние, и лунная дорожка освещала море, перепаханное белыми гребешками волн. Я понял, что начинается непогода, а зайти постоять на Березань — негде спрятаться.

Рассвело. Мои спутники, появившись на палубе, не узнали моря. Из ласковой кошечки оно превратилось в бешеного зверя. Мы шли в бакштаг, а иногда в полный фордевинд. Волны швыряли нас в стороны. Очень тяжело было держать курс. Приходилось все время крутить баранку от трактора, которой снабдил меня мой помощник, в прошлом тракторист и шофер. Вот тут-то и выяснился первый недостаток. Яхта плохо слушалась руля, видимо, перо было маленькое. Дальше больше. Я чувствовал, что лодка стала тяжело взбираться на волну, и приказал помощнику поднять моторный люк. То, что я увидел, повергло меня в ужас. Там плескалась вода, заливая стартер, генератор и аккумуляторы. "Насос!" — закричал я. "Нет насоса, сломался", — угрюмо ответил помощник. Тут я впервые понял, насколько я стар и физически беспомощен. Я не мог проконтролировать своих помощников, и у меня не хватало сил проверить готовность всех узлов и оборудования. В первые выходы поломки сыпались одна за другой. То электроосвещение исчезало. То аккумуляторы разряжены. Подсветка компаса не работала. Всего не перечислить. Зато "кухня" у них была в идеальном порядке. Рулевая рубка напоминала кухню. Везде на гвоздиках висели кастрюли, сковородки, доски для разделки овощей и т. д. В качку вся эта кухонная утварь сыпалась на палубу и путалась под ногами. Они очень заботились о гальюне, сделав его из какого-то фонаря, и даже на леера присобачили писсуар в виде пластиковой бутылки, на горлышко которой был надет шланг, выведенный за борт. На все мои замечания и требования помощники отмахивались, уверяя, что все будет в порядке. Я не "закручивал гайки" и, как сказала моя приятельница, "не делал резких телодвижений", боясь потерять их, как потерял Васю, и не найти других. Уж слишком неординарна была моя затея, а молодежь была, что такое романтика.

В шесть утра открылся Березань, весь окруженный кольцом пены. Я отвернул от него и пошел вдоль Кинбурнской косы в Тендровский залив, надеясь спрятаться там от шторма. Мы шли в полутора милях от берега вдоль Кинбурнской косы. Я старался не жаться к берегу, зная, что там стоят сети, в которые можно въехать и запутаться. Мимо проплывал остров Майский, весь покрытый деревьями, вдали мелькали хаты Покровского хутора. Вскоре с правого борта открылась вежа на северной оконечности Тендровской косы. Я отвернул на два румба влево и вошел в залив. Волна на мелководье стала меньше, но круче. На палубу летели брызги и пена. Лодка стала лучше слушаться руля. У меня болели кисти рук от непрерывного вращения румпеля, и я ночь не спал. Поставив помощника

к рулю и указав ему курс, я пошел вздремнуть. Вспомнил совет английских яхтсменов: чтобы уснуть, нужно дышать в такт качке. Когда я засыпал, мне виделся кубрик носовой на "Бригантине": я шел из Порт-Саида в Сицилию в семибалльную погоду, после вахты, опрокинув рюмку спирта, засыпал на "кисах" с парусами. Форштвень, как качели, подкидывал меня и мерно опускал. Я, как в колыбели, пьяный от моря и спирта, засыпал легко и свободно.

Очнулся я от легкого толчка. Когда выглянул из каюты, увидел, что мы ткнулись в песчаный берег. Прибой разворачивал яхту лагом к берегу. "Кто приказал?" — закричал я. Помощник, угрюмо ворча, взял кусок брезента и спрыгнул на берег. "Укачался", — заявил он. Лег на брезент и тут же захрапел. А храпел он так, что в каюте спать не могли. Воспользовавшись стоянкой, мы с моим другом откатали воду из моторного отсека и определили, что течет дейдвуд. Когда открутили гранд-буксу, обнаружили, что набивки нет. То ли она сработалась, то ли ее вообще не поставили. Поиски запаски ни к чему не привели, и мы намотали пеньку, надеясь благополучно добраться до Одессы. Темнело. Ветер усиливался. Волна стала бить яхту о берег. Я растолкал помощника и, подняв один стаксель, мы пошли вглубь залива. Ветер набирал силу, волны швыряли нас с бока на бок. Стало быстро темнеть. Проводка, сделанная на соплях и плохо изолированная, окислилась, свет стал тусклым, а потом совсем погас. Ругать моего матроса не было смысла, денег на профессионального электрика не было. А потому я поверил, что помощник справится с электрикой, как он меня заверял. Посадив звезду на ванту, я держал курс вглубь залива, надеясь добраться до Кучугур. Там в заливе можно было переждать шторм. В это время луна спряталась и стало темно, как в катакомбах, по которым в детстве лазил. Вокруг мелькали белые барашки. Ветер срывал с них пену и швырял нам в лицо. Звезда, ориентир, исчезла. Я потерял ощущение пространства, вокруг была только тьма и волны.

Вдруг нас сильно ударила волна, и мы покатались в бок. Яхта легла парусом на воду, и я понял, что мы сели на мель. "Вон берег!" — закричал помощник. Мы вывалились за борт и, бросив яхту, поплыли к берегу. Он оказался совсем близко. Несколько сот метров. Низкий, песчаный, покрытый пеной, выброшенной прибоем. Я без сил повалился на мокрые водоросли. Меня била крупная дрожь. Мы прижались друг к другу, пытаясь согреться. В полутьме мелькали силуэты каких-то мелких зверьков. Это были барсуки. Немного придя в себя, мы нагребли на ветер кучу песка, спрятались и, укрывшись мокрыми плащами, в которых выплыли на бе-

рег, забылись дремотным тревожным сном, изредка просыпаясь и прижимаясь друг к другу. Но вот взошло солнце, и мы грелись под его лучами. Яхта была у берега. За ночь ее прибоем и ветром выкинуло на песок. Мой друг стал строить убежище от ветра. Вкопал два весла в песок и натянул парус. Я же пошел посмотреть, сколько мы не дошли до Кучугур. Каково было мое отчаяние и горе, когда я увидел, что до заливчика, где я хотел спрятаться от непогоды, оставалась сотня шагов. Яхту било о песок, и я стал вместе с командой тащить ее к заливу. Это был адский бурлачный труд. Трехтонный корпус, да еще залитый водой, с трудом тащили три уставших замерзших человека. Полдня длился этот каторжный труд, но яхту мы спасли. Буквально по сантиметрам передвигая вдоль берега, мы затащили ее в залив и, повалившись в песок, заснули мертвецким сном. Нас не разбудили ни тучи комаров, ни оводы, слетавшие к нам от одичавших лошадей, табун которых неся неподалеку.

Самое противное и гадкое ощущение беспомощности, которое я ощущал, — когда, проснувшись, я увидел свою яхту, свою мечту, лежащую у берега, как подстреленная птица. На мою отчаянную просьбу откатать воду из лодки, чтобы она могла снова всплыть и закачаться на волнах, мои спутники отказались. Они убеждали меня, что яхту не спасти, что надо выбираться к людям. Стали собирать и складывать в кучу все, что удалось спасти с яхты. Я же, пытаясь откатать воду, на десятом ведре сдох и понял, что моих сил не хватит.

Бросив прощальный взгляд на свою "Мечту", я поплелся вдоль берега за своими спутниками. Ощущение беспомощности и отчаяния не покидало меня. Я вспомнил, что точно такое же состояние было у меня на острове Калимнос в Эгейском море, где мою яхту арестовали по вине фрахтовщика. Нас, арестованных, собрали на пирсе, и я смотрел со слезами, как греческая полиция буксирует мою яхту на штрафную стоянку. Тогда босс, который меня фрахтовал, подошел ко мне и, похлопав по плечу, успокоил: "Не волнуйся, кэп, мы отобьем твою яхту". Она до сих пор стоит там, в Греции, а может, ее уже нет. Но тогда у меня была надежда, а сейчас ее не было, потому что я понял: нет уже у меня сил осуществить свою последнюю мечту.

С десяток километров мы протащились по берегу, засыпанному ракушкой, под палящим солнцем, комарами, подбирая бутылки, в которых иногда оставалась вода, пока, наконец, не вышли на рыбаков.

Это были молодые ребята с Херсонщины, чистые и прозрачные души. Рыбаки пятого поколения. Они обогрели, накормили нас и уложили от-

дышать, а сами на катере пошли к яхте. Когда я очнулся, то увидел катер, тащивший на буксире мою "Мечту".

Бригадир, молодой парень Алеша, выпрыгнув из катера, подошел ко мне, обнял меня и сказал: "Ну, капитан, принимай свою "Мечту". Я подарил яхту и все, что на ней было, этим людям.

И теперь сижу в своей тараканьей квартире и благодарю Бога, что свою "Мечту" отдал в настоящие морские руки. Благослови их Бог и дай им попутный ветер и семь футов под килем.

А мне остается, ждать конца и плавать во сне по всем морям и улицам Одессы.

